

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

FUNDAMENTAL APPROACHES IN EDUCATION

УДК 37.03: 130.2
ББК 66.01

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Институт философии им. Г. С. Сковороды
Национальной академии наук Украины
(01001, Украина, г. Киев, ул. Трехсвятительская, 4)
e-mail: darenkiy@yahoo.com

Социальная избыточность высшего образования: ресурс развития или фактор деструктивности?

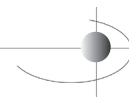
Автор исследует проблему социальной избыточности высшего образования в контексте «миросистемного анализа». Феномен этой избыточности интерпретируется как проявление становления нового исторического типа цивилизации. Автором предложен концепт «не-прагматического образования», который находится в соответствии с феноменом самореализации человека в постэкономическом обществе. Отдельное внимание в статье уделено специфике постсоветской образовательной деятельности и её роли в кризисных явлениях. Высшее образование рассматривается как система дополнительной социализации и аккультурации людей и поэтому составляет главный антропологический и цивилизационный ресурс, обеспечивающий наличие в социуме людей, способных поддерживать не только текущую жизнеспособность страны, но и накапливать «компоненты нового идеационального социокультурного строя» (П. Сорокин). Вместе с тем рассмотрена неклассическая ситуация, при которой почти поголовное высшее образование сочетается с обвальной культурной деградацией молодежи, отсутствием базовых навыков обучаемости. Главной причиной происходящей «вторичной варваризации» населения является формирование «потребительского общества». Обосновывается положение, в соответствии с которым система высшего образования в настоящее время функционирует в рамках двух прямо противоположных тенденций. Первая, деструктивная — это процессы антисоциализации молодежи, порождаемые коррупцией и имитацией образовательного процесса, тем самым, подрывающие основы трудовой этики и ответственного отношения к жизни у новых поколений. Но ей противостоит и другая, конструктивная тенденция, связанная с ценностным, непрагматическим подходом к необходимости образования, которая движет той частью молодежи, которая видит смысл своей жизни в самосовершенствовании, служении Родине и жизни по совести.

Ключевые слова: высшее образование, социальная избыточность, не-прагматическое образование, человеческий капитал, социальный кризис

Vitaliy Yuryevich Darenkiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Institute of Philosophy named after G. S. Skovoroda
Ukrainian Academy of Science
(4 Tryokhsviatitelskaja st., Kiev, Ukraine, 01001)
e-mail: darenkiy@yahoo.com

Social Abundance of Higher Education: Resource of Civilization or Destructive Factor?

The author considers the problem of social abundance of higher education in the context of World-Systems Analysis. The phenomenon of this abundance is interpreted here as a process of new civilization construction. The author also proposes the concepts of “non-pragmatic education”, which are corresponding in this case to the cultural context of human self-realization in post-economical society. Special attention in article is devoted to interpretation of the phenomenon of “post-soviet” education activity as a representation of social crisis. The higher education is considered here as a system of additional socialization and accultura-

tion of young people, and according to this own function of high education supply the main anthropology and cultural resource of reviving of country. Moreover, this basic resource of high education is considered here as a moving factor for forming of “components of new ideational socio-cultural formation” (P. Sorokin). Beside this, the fact of non-classic situation of corresponding of cultural degradation of young people and totality of contemporary high education is considered here. Two controversial tendencies of high education are analyzed in this article. The negative tendency is consisted in simulation of human activity. The positive tendency is consisted in values of non-pragmatic education as a remedy of constructing of human personality and as a factor of reviving of country.

Keywords: high education, social abundance, non-pragmatic education, human resource, civilization, social crisis.

В «постсоветский» период в странах бывшего СССР, несмотря на всю глубину деструктивных процессов в социально-экономической сфере, система высшего образования, тем не менее, в экстенсивном отношении развивалась весьма бурно. Общее количество и вузов, и студентов по сравнению с концом советского периода истории в настоящее время выросло в несколько раз (по разным странам цифры колеблются, но общая тенденция везде налицо). И это происходило на фоне уменьшения численности и постарения населения, при обвальном сокращении реальных государственных затрат на образование. Но появление множества новых специальностей и учебных дисциплин, их содержательная модернизация (особенно интенсивная в гуманитарных науках) – на первый взгляд, могут показаться признаками «качественного» развития. Но так ли это?

Целью данной статьи является критическое переосмысление ряда стандартных представлений о роли и сущности современного высшего образования исходя из анализа глобального «распределения ролей» между различными типами государств, который позволяет объяснить кризисные явления и парадоксы современных образовательных процессов. Такое переосмысление в контексте «миросистемного анализа» (И. Валлерстайн) [10] уже предпринималось целым рядом российских авторов (в частности, Н. Зарубиной, И. Шарыгиным и др. [4; 8]), однако до настоящего времени оно не приобрело системный и концептуальный характер.

В России за период с 1990 г. по 2005 г. число высших учебных заведений выросло с 514 до 1068, причём наибольший «вклад» внесли негосударственные высшие учебные заведения. Если в 1990 г. в России не было ни одного негосударственного вуза, то в 2005 г. их насчитывалось уже 413. Если в 1990 г. на первый курс высших учебных заведений было принято около 584 тыс. человек, а в 2005 г. их уже было около 1 млн 640 тыс. Показатели количества студентов на 10 000 человек также свидетельствуют о значительном (в три

раза!) их увеличении. Если в 1990 г. на 10 000 населения приходилось 190 студентов, то в 2005 г. – уже 481. Если в 1990 г. успешно закончили высшие учебные заведения 401 тыс. человек, то в 2005 г. высшее образование в России получили уже 1 млн 151 тыс. И только к 2010 г. рост числа высших учебных заведений почти остановился. Во многом это связано с уменьшением числа абитуриентов, т. е. с демографическим фактором. Количество выпускников школ и количество мест в учебных заведениях высшего образования в России в 2010 г. стало почти одинаковым. Теперь получают «высшее образование» практически все, кто сможет сдать ЕГЭ. Можно было бы сказать, что мы перешли ко «всеобщему высшему образованию», если бы такое высказывание не было до очевидности абсурдным. «О каком качестве (в среднем по вузам России) выпускников высших учебных заведений может идти речь?» – справедливо задаются авторы официального статистического отчета, указывая при этом и на тот очевидный факт, что «количественная потребность в молодых специалистах, имеющих высшее специальное образование, вряд ли увеличилась за эти годы (скорее наоборот)»¹.

В Украине количество студентов вузов на 10 тыс. населения также росло поистине «стахановскими» темпами: 176 (1986 г.); 310 (1991 г.); 468 (2001 г.); около 500 – в 2004 г. В абсолютных цифрах: в 1991 г. в УССР было 853100 студентов, обучавшихся в 149 вузах (из них лишь 10 – классические университеты); а уже в 1998–1999 гг. – более 1,7 млн студентов в 955 вузах (из них почти 300 – в статусе «университетов») [1, с. 11]. К настоящему моменту увеличение продолжалось: в статусе «университетов» уже в начале 2013 г. пребывало уже около тысячи вузов, после чего тогдашний министр образования Д. Табачник заявил о необходимости сокращения заведений такого статуса в 10 (!) раз, но никаких реальных действий за этим не последовало.

¹ Статистика высшего образования по 2010 год. URL: <http://repetitory-org.ru/other/vuzstat.php> (дата обращения: 05.11.2014)

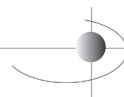

Вполне очевидно, что такой рост в принципе не может быть обеспечен в качественном отношении. Кроме того, параллельно этому взрывообразному росту происходил и соответствующий рост коррупции, сопровождающийся, естественно, резким падением уровня реальных знаний студентов (в некоторых случаях практически до «нуля»). Открытие новых специальностей и введение новых предметов чаще всего оказывалось не обеспеченным должным образом ни наличием подготовленных преподавателей, ни качественными учебными пособиями и методиками, превращаясь, таким образом, в откровенную «халтуру» с исключительно корыстными целями. В этом смысле не только возникающие без какой-либо реальной базы частные вузы, но и непомерно раздувающиеся за счёт множества новых специальностей государственные, превращаются всвоего рода «потёмкинские деревни». Ещё сохраняя способность производить качественные кадры, вместе с тем, система образования превращается в одну из сфер рынка услуг, для которой на первом месте стоит именно прибыль, достигаемая любыми способами, а все остальные параметры деятельности уходят на второй план. К сказанному нужно добавить, что высшее образование относится к числу наиболее коррумпированных сфер «постсоветской» экономики. Так, по самым скромным подсчетам, в Украине не менее 60 % студентов регулярно дают взятки за получение оценок, а за само поступление в вуз этот процент ещё выше, во многих случаях доходя почти до 100 % [5]. Сами трудовые коллективы вузов уже давно практически полностью формируются по принципу «своих людей», т. е. через родственные, кумовские связи, или же через взятки, если человек таковых не имеет и его берут в систему, как говорят, «с улицы». Поэтому внутренние отношения в этих коллективах построены по вполне мафиозным принципам со сложной системой неформальных обязательств, общей «повязанностью» участия в одной коррупционной системе, а также подчиненности всех достаточно жёсткой системе неформальных правил «вертикальных» и «горизонтальных» отношений. Поэтому, с другой стороны, именно профессиональные качества здесь часто ценятся меньше всего, поскольку само их наличие в первую очередь делает человека опасным конкурентом и, тем самым, потенциальной жертвой системы.

Экстенсивный рост системы высшего образования обусловлен высоким спросом на

него среди всех без исключения слоев населения. Однако в прагматическом отношении этот вид денежных вложений населения пока что оказывается одним из самых малоэффективных. Общеизвестно, что реальная социальная потребность в выпускниках вузов уже по подавляющему большинству специальностей в несколько раз меньше их численности, возрастающей с каждым годом. Большинство людей с высшим образованием в настоящее время работают по специальностям, не требующим наличия такого диплома (а часто и вообще никакого – например, в розничной торговле, сфере обслуживания и т. п.). Но в то же время имеет место резкая нехватка квалифицированных рабочих кадров, которая в России «решается» с помощью трудовых мигрантов, а в Украине не решается вообще, т. к. мигранты в эту страну вообще не едут, но наоборот, отсюда едут в Россию.

Тем самым, факт устойчиво высокого спроса на высшее образование на самом деле является удивительным и требующим осмысления, особенно учитывая как скудость денежных средств большинства населения, так и тот факт, что эти средства люди обычно вкладывают именно «в диплом», а не в реальные знания, стараясь, где возможно, заменить последние приемлемым денежным взносом. Хотя нам не удалось обнаружить достаточно чёткой статистики по этим параметрам (а её отсутствие или труднодоступность сами по себе очень характерны!), но многолетние наблюдения и опросы однозначно свидетельствуют, что подавляющее большинство выпускников вузов не работает по своей непосредственной специальности и очень часто с самого начала не собиралось этого делать. Последний случай в первую очередь относится к педагогическим специальностям: при большом переизбытке людей с дипломами учителей, школы испытывают хронический дефицит кадров, легко объяснимый низкой зарплатой и непрестижностью этой работы. Особенно характерный пример: многократный рост наборов на специальности «Иностранный язык» и «Перевод» объясняется тем, что это люди, ставящие своей целью эмиграцию на Запад, а совсем не работу по указанному профилю. (Поэтому, кстати говоря, было бы совершенно разумным полностью перевести эти специальности на контрактную основу, ведь совершенно дикой является ситуация, когда бедное государство само вкладывает деньги в подготовку «профессиональных эмигрантов», т. е. в то, чтобы его обворовали ещё больше: ведь

молодежь – это главная ценность и главный «ресурс» любой страны!) Характерно, что ежегодное увеличение бюджетных мест на педагогические специальности привычно обосновывается нехваткой сельских учителей – и это несмотря на то, что реальное количество выпускников педвузов, которые являются выходцами из сёл, давно превышает их потребность в несколько раз. Объяснение этому парадоксу очень простое и состоит в том, что сельская молодежь использует возможность получения высшего образования (часто льготного) именно для того, чтобы потом не возвращаться в село, оставаясь в городе на любой работе, даже и не требующей какой-либо серьезной квалификации. Тем самым, увеличение набора, якобы совершающееся для преодоления нехватки сельских учителей, на самом деле приводит к прямо противоположному результату.

Однако и по множеству других специальностей ситуация по существу такая же. Огромный переизбыток дипломированных специалистов наблюдается едва ли не по всем направлениям их подготовки – особенно по экономике, юриспруденции, технике, медицине, гуманитарной сфере. Есть специальности, социальный спрос на которые практически отсутствует (например, таковы большинство специальностей в области культуры и искусства, специальности философских факультетов и др.), но тем не менее количество соответствующих студентов там вовсе не уменьшается. Парадоксальность состоит в том, что спрос на высшее образование не уменьшается, хотя его прагматическая ценность продолжает падать. Чем это объясняется? И могут ли произойти какие-то изменения тенденций в будущем? Таков вопрос данной статьи.

К настоящему времени утвердилась идеологическая концепция, согласно которой высшее образование является едва ли не самым главным фактором развития общества «постсоветских» стран, которые якобы отстают от ведущих стран мира в экономическом и технологическом отношении в первую очередь из-за неэффективной системы образования. Поэтому утверждается, что нужно якобы лишь усовершенствовать эту систему, и тогда мы стремительно догоним эти страны и по всем остальным показателям. Бесспорно, что развитие высшего образования – один из необходимых факторов развития общества в целом, но столь же бесспорно и то, что это далеко не единственный фактор, и если «не срабатывают» все остальные, то он сам по

себе не только ничего не решает, но даже может и усугублять негативные процессы. Так, например, если в силу объективного распределения ролей в современном мире страна находится в числе бедных стран «третьего мира», то как бы она ни развивала систему образования, это не только не изменит сколько-нибудь существенным образом её положения, но скорее всего даже ухудшит, – поскольку в силу «сырьевого» характера экономики специалисты по высоким технологиям, которых станет готовить эта страна, останутся просто не востребованными или же востребованными в качестве эмигрантов в странах «золотого миллиарда», а средства, затраченные государством на их подготовку – по сути, просто украденными у налогоплательщика и выброшенными на ветер. Но ещё важнее то, что «взрывообразный» рост сферы высшего образования происходит как раз не за счёт подготовки специалистов по современным высоким технологиям (что соответствовало бы официальной концепции), – их доля в общем количестве студентов и качество подготовки как раз резко уменьшились по сравнению с советским периодом, – но за счёт многократного бессмысленного увеличения доли специалистов для непроизводственных сфер (управленческой, финансовой, сферы услуг, развлечений и т. п.), оказывающихся в большинстве своём не востребованными в реальной экономике.

Как известно, главная закономерность современного мира состоит в том, что «богатые страны ещё больше богатеют, а бедные ещё больше беднеют, глобальное неравенство увеличивается» [2, с. 104]. В конкретных цифрах это выражается, например, в том, что «в 1996 г. средний доход населения в 70 странах мира был ниже, чем в 1980 г., а в 43-х странах – ещё ниже, чем в 1970» [Там же]. Такая динамика, согласно теории мир-системного анализа, определяется экономической и военно-политической диктатурой «мирового центра» (т. е., сообщества наиболее экономически развитых стран мира во главе с США, монополизировавших распределение мировых ресурсов и производство высоких технологий). Поэтому важнейшим и жестко поддерживаемым условием сохранения этой диктатуры является то, что в конечном счете «именно мировой рынок решает, какое предприятие признать целесообразным, а какое лишним для мировой экономики... Ни о каком самовхождении предприятий и национальных экономик (без согласия мирового рынка) в эту систему не может быть и

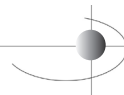
речи. Поэтому надежды на самостоятельное зарождение конкурентноспособных предприятий на обломках экономики СССР абсолютно иллюзорно» [3, с. 165]. Например, по данным бывшего вице-президента Международного банка реконструкции и развития Н. Бердсола, страны «золотого миллиарда» с 20 % населения мира производят 80 % мирового ВВП и столько же потребляют ресурсов, а относительно остальных 80 % населения Земли имеет место обратная пропорция, причем этот разрыв постоянно возрастал на протяжении всего XX века и продолжает возрастать [9, с. 79].

Описанная закономерность отнюдь не является результатом случайности или чьей-то злой воли, но обусловлена фундаментальными особенностями современной глобальной цивилизации. Как пишет Н. Зарубина, «в контексте глобализации снимается пафос парадигмы модернизации, утверждавшей необходимость «подтягивания» отсталых стран и регионов до уровня передовых... и заменяется эксплуатацией отсталости и воспроизводством архаичных структур в рамках парадигмы «центр-периферия»... слаборазвитость и низкий уровень жизни воспринимаются теперь как функциональные структурные элементы мировой экономической системы, обслуживающие интересы развитого центра» [4, с. 159]. Поэтому закономерностью, что «практически не знающим исключений, является тот факт, что вхождение в мировую систему ранее относительно самостоятельных стран неизменно сопровождается их деиндустриализацией, деградацией и вымиранием, что прикрито «витриной» очагов новейшей экономики и сервиса для узкой прослойки нуворишей, создавших богатство на распродаже национальных богатств и других криминальных операциях» [Там же]. Здесь стабилизируется такой тип экономики и социальной жизни, при котором потребность в специалистах с высшим образованием весьма ограничена и, кроме того, вообще постоянно существует большой контингент «лишних людей», в который вследствие своей избыточности в первую очередь и попадают лица с высшим образованием. В основе сложившегося перераспределения ролей лежит монополизация основных ресурсов (в первую очередь, финансовых) и высоких технологий странами «золотого миллиарда» во главе с США. Поэтому, строя свою идеологию и приоритеты с ориентацией на условия жизни стран «золотого миллиарда», система высшего образования любой, даже такой большой и богатой

ресурсами страны, как Россия, совершает поистине трагическую ошибку; и уж тем более это касается Украины и ей подобных государств. Производя в огромных количествах специалистов, как правило, весьма невысокого, а то и вообще «никакого» уровня, которые оказываются невостребованными, страны «постсоветского пространства», прежде всего, увеличивают депрессивный и социально взрывоопасный контингент населения. А конкурентноспособные специалисты, которых становится все меньше и меньше, эмигрируют, – и тем самым, бедные страны фактически инвестируют богатых своим «человеческим капиталом», отдавая им своих самых лучших специалистов, на подготовку которых были затрачены большие средства.

Между тем, массовое сознание в странах «бывшего СССР» продолжает наивно ориентироваться на утопическую перспективу вхождения в число самых развитых стран мира с соответствующими стандартами жизни. Главное объяснение «спроса» на высшее образование в условиях сокращающихся возможностей его реального применения состоит как раз в том, что на уровне массового сознания распространена вера в близкий экономический «бум», в результате которого произойдет быстрый переход к тому типу общества, который имеет место в самых развитых странах мира. В расчёте именно на это, а не на те условия, которые имеют место теперь, люди вкладывают свои средства в обучение детей в вузах, или уже самостоятельные люди тратят на это большую долю своих доходов. Правда, как свидетельствуют данные социологических опросов, большое количество людей осознают утопичность таких надежд и начинают связывать высшее образование с надеждой на эмиграцию в страны «золотого миллиарда». Другой характерной тенденцией, которая очень важна для нашей темы, является получение высшего образования без особой надежды на соответствующую профессиональную деятельность, так сказать, «для души». Например, автору этих строк пришлось столкнуться с такой оригинальной «героической» мотивацией абитуриентов в приёмной комиссии философского факультета одного провинциального вуза.

В нынешних условиях, кроме того, достаточно очевидно, что уровень образования и наличие дипломов весьма мало связаны с уровнем доходов человека. Как отмечает один из наиболее интересных авторов, писавших на эту тему в статье «Образование и глобализация», И. Шарыгин, в «постсоветском» соци-

уме «полностью отсутствует положительная зависимость между качеством образования и личным успехом в жизни. Скорее наоборот, эта зависимость отрицательна. Личные связи и неразборчивость в средствах – основные способы для достижения успеха. Что касается образования, то нужны не знания, а справка об образовании, диплом. Причём не важно какой. Дипломированные неучи делают карьеру быстрее и успешнее, чем хорошо обученные профессионалы [именно потому, что кроме как «делать карьеру», они ничего и не умеют – В. Д.]» [8, с. 113]. Поэтому, если в жизни исходить из исключительно меркантильных интересов, то настоящее высшее образование непосредственно необходимо сравнительно небольшой части населения, основная же его масса занята такими видами деятельности, которые не требуют не только высшего, но часто даже и среднего образования. Таким образом, одна из специфических социальных функций высшего образования в странах «постсоветского» региона мира заключается в его *проективности, резко доминирующей над прагматичностью*: здесь высшее образование чаще всего избыточно по отношению к текущим, нынешним условиям жизни человека, и приобретает целерациональный характер только лишь как элемент желаемого будущего, тем самым, неся в себе большую долю риска и даже авантюризма.

В настоящее время тот уровень знаний, который давался настоящим высшим образованием в предшествующие эпохи (советскую и тем более досоветскую), для современной «постсоветской» экономики является, за редкими исключениями, совершенно ненужным – то есть избыточным в самом буквальном смысле слова. Ведь в последней такой уровень знаний и творческих навыков, для которого требуется получение подлинного высшего образования (а не современного его симулякра, скрытого за наличием диплома), фактически требуется совершенно ничтожному количеству людей – всего *нескольким процентам населения*, занятых на высокотехнологичных производствах и в обслуживании сложной техники, а также в сфере научных исследований и в сфере качественной гуманитарной деятельности. Все остальные заняты на таких работах, которые требуют лишь совокупности элементарных навыков и небольшой эрудиции в очень узкой сфере деятельности, которые быстро приобретаются на практике и в принципе вообще не требуют специального обучения. Это касается основных сфер занятости в наше время – т. е. сфе-

ры обслуживания (в широком смысле слова), торговли и сферы управления («офисный планктон»). На таких работах «диплом» требуется исключительно как статусная формальность, поэтому, как правило, здесь обычно бывает безразлично, какая специальность написана в этом дипломе и, более того, даже безразлична его подлинность – отсюда и развитие «индустрии» подделок. Едва ли самый главный фактор качественной деградации высшего образования и превращения его в «торговлю дипломами» состоит именно в том, что сами студенты изначально знают, что знания как таковые им для будущей деятельности и «карьеры» в принципе совершенно не нужны, и поэтому они часто сами *провоцируют* замену реального обучения коррупционным обменом. Вследствие этого сам «образовательный процесс» приобретает откровенно *имитационный* характер – и это имеет крайне деструктивный характер уже не только по отношению к самой системе образования, но имеет и намного более фундаментальные разрушительные последствия в виде разрушения остатков трудовой этики у молодёжи, стимулирует формирование паразитического, безответственного образа жизни. Уже возникла целая субкультура людей из числа как молодёжи, так и людей среднего возраста, которые не привыкли к реальному труду, а многие и сознательно не хотят работать. И одним из главных факторов её формирования стало то «высшее образование», то есть его имитация, которое они прошли в молодости, – вместо реальной трудовой деятельности, как это должно быть в нормальном обществе. Поэтому если фундаментальный принцип состоит в том, что «образование – не часть сферы услуг, но один из главных элементов общественного производства – воспроизводства самого человека» [6, с. 20], то в действительности, по сути, имеет место прямо противоположный процесс – такое «высшее образование» стало мощным фактором антисоциализации и фактической деградации личности.

Этот процесс имеет ещё и другую, уже не прагматическую, но намного более фундаментальную причину. Происходящая прагматическая и ценностная девальвация высшего образования обусловлена не только его количественной избыточностью и низким качеством, но и *резким падением базового уровня культуры* у «постсоветских» поколений. Явное большинство студентов начала XXI века фактически *необучаемы* на уровне вуза: их базовых культурных навыков в луч-

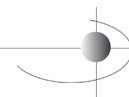
шем случае хватило бы для добротного среднего специального образования, и не более того. Усвоить программу вуза они органически неспособны, даже если бы и приложили максимальные усилия (но это тоже исключено). Этот факт отнюдь не является аномалией и представляет собой часть более общего цивилизационного явления, которое можно определить как *вторичную варваризацию* – утрату новейшими поколениями культурных навыков, ещё недавно бывших совершенно естественными и само собою разумеющимися у их ближайших предков, часто не имевших даже начального образования. Возникает ситуация, ещё недавно казавшаяся немыслимой, когда почти поголовное «высшее образование» сочетается с обвальной культурной деградацией. Главной причиной этой вторичной варваризации является формирование «потребительского общества», в котором стало избыточным всё, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма. А это, в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества – такие, как понимание самоценности знания, стремление к расширению своего кругозора и выработке самостоятельного мировоззрения, что в свою очередь, обуславливало любовь к книгам и чтению и другие непрагматические интеллектуальные интересы.

Все это представляет собой не просто некую социальную аномалию, связанную с «переходным периодом», но является фундаментальным фактом цивилизационного масштаба. Речь идет о том, что под официальной вывеской «общества знаний», «информационного общества» и прочих изобретений нынешнего «министерства правды», в реальности происходит совершенно иной процесс: быстрое становление *цивилизации примитива*, в которой основная масса населения живет псевдоценностями потребительства, вседозволенности и бессмысленных развлечений. Для такой «цивилизации» знания не только не нужны, но и более того, они для неё вредны, т. к. могут разрушать тот пустой и примитивный жизненный мир, который она создает для основной массы людей. Люди, имеющие какие-то знания, хотя бы немного выходящие за рамки предлагаемого им примитивного взгляда на мир, становятся «опасными». Эта цивилизация враждебна образованию, а образование враждебно ей.

Следует со всей серьезностью осмыслить это новое и столь непривычное для на-

ших стереотипов положение вещей. В свое время П. Сорокин, указывая на неизбежный упадок современной буржуазной цивилизации, определял общую парадигму нынешнего исторического периода как взаимодействие двух процессов: «а) нарастающий упадок чувственной культуры, общества и человека и б) появление и постепенный рост первых компонентов нового идеационального... социокультурного строя» [7, с. 885]. Один из таких компонентов – уже упомянутый нами феномен получения высшего образования без особой надежды на соответствующую профессиональную деятельность, «для души». Этот феномен означает, что в рамках господствующей цивилизации примитива реально существует и *альтернативная цивилизация*, в рамках которой *знания являются в первую очередь непрагматической ценностью, которая позволяет людям сохранять свое человеческое достоинство и свой взгляд на жизнь, сознательно не подчиняясь уже господствующей тенденции к личностной деградации*. Тем самым, эта почти «героическая» мотивация оказывается явно целерациональной, но её цель и её рациональность совсем иного рода, чем те, которые навязываются буржуазным обществом.

Но даже и независимо от того, какая доля тех, кто ныне получает высшее образование не с прагматической целью, а с целью личностного развития – в любом случае, это весьма знаковое явление, поскольку оно указывает на *новую функцию* высшего образования в социальной системе. А именно, в условиях качественной деградации и практической бесполезности, основной функцией системы высшего образования становится функция компенсации личностного недоразвития молодых поколений в условиях «цивилизации примитива». Хотя бы будучи весьма условно вовлеченным несколько лет в учебный процесс, молодой человек продолжает процесс своей социализации и аккультурации на намного более высоком уровне, чем это было в школе и семье, не говоря уже о стадной «тусовочной» среде. Даже если это обучение происходит крайне поверхностно и формально, но уже сам факт постоянного общения с людьми – носителями научных знаний, эрудиции и иного уровня культуры (а таковых среди преподавателей все ещё вполне достаточно), а также пребывание в среде сверстников, связанных между собой не бездумным времяпровождением, но хотя бы минимальными попытками усвоить что-то новое, – все это в любом случае является очень полезным

периодом в жизни человека. Особенно если сравнить это с альтернативным вариантом – попаданием в жёсткую среду однообразного простого труда и рыночного выживания в раннем возрасте – сразу после окончания школы или даже ещё раньше. (Такой вариант, как правило, сразу приучает человека к чисто адаптивному и рутинному образу жизни, с атрофией более сложных потребностей и стимулов к личностному развитию). Все это можно назвать *minimum*-функцией высшего образования – функцией, которая имеет принципиально прагматический характер, но вместе с тем имеет огромную гуманитарную и общекультурную значимость. Поэтому даже при отсутствии практического применения время и средства, потраченные на это, не пропадают зря. В свою очередь, функцию высшего образования как «получения профессии», можно назвать *pointa*-функцией.

Существует и *maximum*-функция высшего образования, суть которой особенно важно понимать в наше время. Эта функция может органически сочетаться с *pointa*-функцией (в этом гумбольтовский идеал Университета), но может выступать и как самостоятельная прагматическая ориентация при выборе человеком места и направления обучения. Это функция усвоения сложного тезауруса культуры и культуротворческих навыков как автономная ценность, необходимая человеку для внутреннего, личностного развития. Это то самое образование «для души», непосредственно не связанное с будущей сферой зарабатывания на жизнь, о которой как об особой реальной мотивации было упомянуто выше. Это функция, обеспечивающая человеку входение в «большое время» (М.Бахтин) культуры и, тем самым, создающее в нём особое внутреннее пространство свободы духовно-нравственного и творческого самоопределения. Конкретная профессиональная направленность при этом становится средством, а не самоцелью¹. Тем самым, *maximum*-функция имеет особый гуманитарный смысл – освободить человека от власти буржуазности.

Понятие «современный» как таковое означает особый модус бытия жизненных явлений, при котором они со-временны, т. е. по-

¹ Стоит отметить также, что такая мотивация на практике оказывается и важным фактором противостояния коррупции: поскольку студент с такой мотивацией стремится к знаниям, а не к диплому как самоцели, то он не провоцирует коррупционные отношения, но наоборот, стимулирует преподавателей к большей самоотдаче. В этом проявляется парадокс, состоящий в том, что прагматические цели часто в конечном итоге приносят большую практическую пользу.

стоянно меняются с течением времени, не имея в себе собственного устойчивого содержания, будучи по сути своей ситуативными и эфемерными. Быть «современным» – значит быть со-временным, т. е. не иметь в себе ничего подлинного и поэтому неизменного, но лишь непрерывно приспосабливаясь к «требованиям дня» и капризам моды. Современная цивилизация принципиально современна – это цивилизация погони за «сегодняшним днем» и отрицания всего непреходящего. Таким же она делает и людей, лишая их жизнь внутреннего смыслового пространства. Это лишение – самое страшное из всех человеческих лишений, оно ничем не восполнимо, делая жизнь невыносимой из-за её бессмысленности. Гонка людей за карьерой и развлечениями, безудержное потребительство – все это именно следствие внутренней опустошенности, стремление заполнить эту пустоту души, этот экзистенциальный и смысловой вакуум сознания, хоть чем-нибудь, что могло бы так увлечь человека, чтобы дать ему забыть о своей душе.

Возможно, такой тип человека может существовать на протяжении целого ряда поколений и считать себя не только вполне «нормальным», но и даже самым «цивилизованным» из всех, когда-либо существовавших (большое сомнение – самый первый признак деградации). Возможно. Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что этот тип может существовать только в весьма комфортных материальных условиях и не способен к серьезным усилиям ни в сфере настоящей творческой деятельности, ни в сфере реального производства. Во всяком случае, государство может существовать только тогда, когда помимо этого типа людей в нём воспроизводится также и традиционный «непотребительский» тип человека с осмысленным взглядом на мир и на самого себя. Тем более это касается такой страны, как Россия, которая может существовать только в режиме постоянного усилия модернизации, чтобы не быть в очередной раз разграбленной и выброшенной в болото «третьего мира», как это произошло после распада СССР. Поэтому для России и близких ей «постсоветских» стран культивирование этого типа человека в настоящее время становится важнейшим стратегическим ресурсом выживания. Именно этот тип человека способен к тому типу деятельности и стилю жизни, который в настоящее время необходим для возрождения народа, государства и всего пространства российской цивилизации. Непотребитель-

ский тип деятельности и стиль жизни, ориентированный на высшие ценности: служение Родине, самосовершенствование личности и борьбу за социальную справедливость – может воспитываться и современной системой высшего образования, и это отчасти реально происходит именно в тех случаях, когда *ценностные мотивы образования у людей преобладают над прагматическими*. Кроме того, именно такое преобладание, даже если оно ещё и не является доминирующим, фактически является единственным по-настоящему эффективным фактором уменьшения поистине катастрофической коррупции в сфере образования.

Таким образом, обобщая, следует констатировать тот факт, что система высшего образования в настоящее время функционирует в рамках двух прямо противоположных тенденций. Деструктивная – процессы антисоциализации молодежи, порождаемые коррупцией и имитацией образовательного процесса, тем самым, подрывающие основы трудовой этики и ответственного отношения

к жизни у новых поколений. Но ей противостоит и конструктивная тенденция, связанная с ценностным, непрагматическим подходом к необходимости образования, которая движет той частью молодежи, которая видит смысл своей жизни в самосовершенствовании, служении Родине и жизни по совести.

Тем самым, подход к задачам образования, который был выше назван «непрагматическим», является таковым только на уровне *непосредственной мотивации* обучаемых и обучающихся, однако на *стратегическом* уровне он как раз оказывается максимально прагматичным. Высшее образование как особая система дополнительной социализации и аккультурации людей (не только молодежи) составляет главный антропологический и цивилизационный ресурс, обеспечивающий наличие в социуме людей, способных поддерживать не только текущую жизнеспособность страны, но и накапливать «компоненты нового идеационального социокультурного строя» (П.Сорокин), без которых ни наша страна, ни человечество в целом не имеют будущего.

Список литературы

1. Андрієвська О. Оновлення імперії знань // Критика. Культурологічний часопис. 2001. № 4. С. 11–14.
2. Арсеєнко А. Глобалізація чи фрагментація і пауперізація? Що нам готує вік прийдешній? // Віче. 1998. № 12. С. 99–111.
3. Голанский М. Новые тенденции в мировой экономике // Наш современник. 1993. № 4. С. 163–177.
4. Зарубина Н. Кто будет работать в России? // Москва. 2003. № 4. С. 152–166.
5. Піщуліна О. Корупція у вищій освіті // Прозорість і корупція в системі вищої освіти України. Збірник матеріалів конференції (Львів, 22–23 листопада 2002 р.). Київ: Таксон, 2003. С. 142–158.
6. Смолин О. Н. Образование – фундамент культуры // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 5–26.
7. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1034 с.
8. Шарыгин И. Образование и глобализация // Новый мир. 2004. № 10. С. 109–121.
9. Birdsoll N. Life is Unfaire: Inequality in the World // Foreign Policy. Summer 1998. P. 71–79.
10. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today/ Ed.by A.Giddens & J. H. Turner. Cambridge: PolityPress, 1987. P. 309–324.

References

1. Andrievs'ka O. Onovlennya imperii znan' // Kritika. Kul'turologichnii chasopis. 2001. № 4. S. 11–14.
2. Arseenko A. Globalizatsiya chi fragmentatsiya i pauperizatsiya? Shcho nam gotue vik priidesh-nii? // Viche. 1998. № 12. S. 99–111.
3. Golanskii M. Novye tendentsii v mirovoi ekonomike // Nash sovremennik. 1993. № 4. S. 163–177.
4. Zarubina N. Kto budet rabotat' v Rossii? // Moskva. 2003. № 4. S. 152–166.
5. Pishchulina O. Koruptsiya u vishchii osviti // Prozorist' i koruptsiya v sistemi vishchoi osviti Ukraini. Zbirnik materialiv konferentsii (L'viv, 22–23 listopada 2002 r.). Kiev: Takson, 2003. S. 142–158.
6. Smolin O. N. Obrazovanie – fundament kul'tury // Svobodnaya mysl'. 2012. № 1–2. S. 5–26.
7. Sorokin P. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M.: Astrel', 2006. 1034 s.
8. Sharygin I. Obrazovanie i globalizatsiya // Novyi mir. 2004. № 10. S. 109–121.
9. Birdsoll N. Life is Unfaire: Inequality in the World // Foreign Policy. Summer 1998. P. 71–79.
10. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today/ Ed.by A.Giddens & J. H. Turner. Cambridge: PolityPress, 1987. P. 309–324.

Статья поступила в редакцию 25.11.2014